

«Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства»
(Керчь), 1891, 6 октября, № 39

Т Е А Т Р Ъ.

В пятницу была поставлена на нашей сценѣ драма Чехова «Ивановъ». Это уже пятая драма съ 27 сентября, а сегодня идетъ шестая «Убийство Коверлей». Не довольно-ли? Пора бы перейти къ комедіи, а то вѣдь актеры, которымъ приходится такъ много плакать на сценѣ, выражаясь словами Чехова, «сырость заведуть» въ театрѣ. Постановка комедій тѣмъ болѣе желательна и необходима, что лучшія силы въ труппѣ — Журинъ, Яблочкина, Далидинъ, Соколовъ состоятъ на комическихъ амплуа. Исполненіе пьесы Чехова не оставляетъ желать ничего лучшаго; пьеса разыграна съ полнымъ ансамблемъ, каждый изъ исполнителей былъ на своемъ мѣстѣ, типиченъ, выдержанъ, игралъ обдуманно и серьезно. Правда были мѣста нѣсколько шаржированныя, но они созданы самимъ авторомъ (например сцена по-

цѣлуевъ и кафе-шантаннаго ухаживанья или лучше, какъ говорить хохлы, жаргованья Боркина и Шабельскаго съ Бабкиной, также сцена всеобщаго комическаго плача пяти или шести лицъ въ четвертомъ актѣ, сцена чисто водевильная, задерживающая ходъ пьесы, развитіе характера сланнаго дѣйствующаго лица и портящая общее впечатлѣніе). Однакожъ этотъ комическій элементъ въ пьесѣ, доходящій временами до излишества, поддерживаетъ настроеніе публики; безъ него пьеса «Ивановъ» была бы скучнѣйшей пьесой изъ всѣхъ, какія только существуютъ въ драматической литературѣ. Драма Чехова шла на большихъ сценахъ и критики сказали уже о ней свое слово. Но не требуется быть присяжнымъ критикомъ, чтобы съ перваго разу не понять и не почувствовать, что попытка молодого, талантливаго автора изобразить сложный характеръ человѣка съ больной волей и нервами, или короче психопата во вкусѣ Достоевскаго, не можетъ назваться удачною. Психопатъ Достоевскаго, пораженный какимъ-нибудь неожиданнымъ результатомъ своихъ дѣйствій, старается припомнить тотъ логическій ходъ мыслей и внѣшнія причины, его вызвавшія, которыя привели его къ совершенію известнаго дѣйствія. Этотъ анализъ есть только припоминаніе, не больше. Слѣдя послѣдовательно за ходомъ своихъ мыслей и улавливая ихъ нить, онъ успокаивается, приходя къ заключенію, что иначе онъ поступить не могъ. Читатель пораженъ этимъ глубокимъ по-

"Полицейский листок Керчь-Еникальского гравдоначальства"
(Керчь), 1891, 6 октября, N-39

внимашемъ автора души человѣческой и также со-
глашается съ тѣмъ, что иначе и быть не могло. —
Здѣсь происходитъ нѣчто странное: Ивановъ Че-
хова вѣчно анализируетъ самого себя, прекрасно
сознаетъ свои ошибки и тотчасъ же повторяетъ
ихъ снова, чтобы черезъ минуту снова заняться
самонаблюденіемъ, самобичеваніемъ и т. д. Въ
концѣ концовъ является одно общее и сплошное
недоумѣніе. И самъ Ивановъ недоумѣваетъ, и
публика недоумѣваетъ.

Ивановъ по временамъ точно выходитъ изъ
своей оболочки, вытѣзаетъ изъ своей инкуры
и заглядываетъ внутрь себя, а потомъ снова ста-
новится въ прежнее положеніе. Намъ кажется, что
если бы кому-либо изъ артистовъ пришло на мысль
исправить эту роль, создать изъ нея нѣчто цѣль-
ное и удобопонятное, онъ прежде всего долженъ
былъ-бы выбросить всѣ монологи, предоставивъ
анализъ, оцѣнку характера не самому дѣйстви-
тельному лицу, а публикѣ. Мы обыкновенно судимъ
о характерѣ человѣка не по его словамъ и даже
не по его намѣреніямъ, а по его дѣвствіямъ,
Никулинъ къ своей задачѣ отнесся очень стара-
тельно, онъ сдѣлалъ изъ своей неудобопонятной,
неотдѣланной роли все, что только можно сдѣлать,
Недостатки исполненія объяснились недостатками
самой пьесы.

Керчь давно не имѣла такой труппы, какую
имѣетъ теперь, но къ сожалѣнію публика мало еще
ознакомилась съ труппой и мало посѣщаетъ театръ.
Будемъ надѣяться, что и безъ всякихъ похвалъ съ
нашей стороны она со временемъ сама оцѣнитъ
способности артистовъ и воздастъ имъ должное.